

Увидев, что Лун Цюй и его спутник удалились, Цзя И почувствовал, как его тело словно наполнилось легкостью. В тот же миг в глазах потемнело, в голове зашумело, а ладонь правой руки пронзила жгучая боль. Разорванная кожа у основания большого пальца кровоточила, заливая всю руку ярко-красным. Стиснув зубы, он отыскал местечко, где можно присесть, и торопливо вытащил из пазухи носовой платок, чтобы кое-как перевязать рану.

После недавнего безумного бегства и яростной схватки в горле пересохло так, будто его пекли на раскаленных углях. Цзя И понимал, что это последствия сильной кровопотери, но поблизости не было ни капли воды, так что оставалось лишь терпеть.

Не имея возможности передвигаться, Цзя И оставалось лишь лечь на землю и ждать, пока вернутся силы.

Внезапно перед ним кто-то возник.

Окинув взглядом появившегося человека, Цзя И замер от изумления. Оказалось, что это был тот самый загадочный человек, который однажды вручил ему книгу с техниками. На сегодняшний день этот человек появлялся перед ним уже трижды: в первый раз — когда чуть до смерти не избил его самого, во второй — когда до полусмерти напугал, а теперь он явился посмотреть, как другие едва не забили до полусмерти самого Цзя И. Глядя на этого мужчину средних лет, Цзя И искренне не понимал, действительно ли этот человек был его личным роком, о каких вечно говорят в народе. Почему всякий раз, когда он появлялся, Цзя И едва не расставался с половиной жизни? Какая неудача!

Гай Не был высок ростом, возвышаясь над остальными по меньшей мере на полголовы. Лицо его было худым и строгим, а выражение — спокойным. Как и при прошлой встрече, голову стягивала лишь простая тряпичная повязка, а сам он был облачен в грубые конопляные одежды.

В таком наряде он ничем не отличался от обычного пахаря, и в мыслях не возникало связать его с мастером, познавшим мудрость вне мирской суеты.

Они долго разглядывали друг друга.

Гай Не покачал головой, горько усмехнулся, неторопливо подошел к Цзя И, присел перед ним на корточки и спросил:

— Чего тебе не сиделось смирно в Фэнли? Куда это ты собрался?

Хотя в прошлый раз Гай Не не только не проявил враждебности, но даже помог ему исцелить раны, у Цзя И, как у человека из будущего, давным-давно вошло в привычку судить об окружающих с худшей стороны. Не понимая, с какими намерениями этот человек сблизился с ним, Цзя И, разумеется, не собирался говорить правду.

Он бесстрастно отозвался:

— Я всего лишь собирался навести родственников в Сяньян, да вот беда — по дороге столкнулся с разбойниками. Мы с попутчиками разбежались, а те негодяи погнались за мной и завели сюда. Кто бы мог подумать, что я случайно встречу здесь великого мастера! Большое спасибо вам за помощь, что заступились за меня и спасли жизнь, я бесконечно вам благодарен.

Благодаря недавней притирке к здешним местам тон Цзя И уже на семь-восемь десятых походил на манеру речи древних.

Гай Не, конечно же, расслышал в словах Цзя И скрытую иронию и намек на то, что он следит за ним, однако оправдываться не стал. Лишь слегка улыбнувшись, он произнес:

— Никакой я не великий мастер, просто проходил мимо по делам. Увидел, что ты владеешь боевыми искусствами, но докатился до такой жизни, и вмешался лишь потому, что не хотел, чтобы кто-то уронил доброе имя старого друга. Мне вот только любопытно: что за родственники у тебя в Сяньяне? Как так вышло, что я о них ничего не знаю?

Цзя И в душе досадливо поморщился, но, вспомнив, как те двое разбойников бросились наутек едва услышали его имя, не смел слишком сильно злить этого человека. Проглотив обиду, он натянуто ответил:

— У меня-то в Сяньяне родни нет, а вот у Сыянь там живет дядя. После того как она попала ко мне в дом, прошло уже три года, как они не виделись, вот я и вызвался проводить ее навестить родню.

Гай Не улыбнулся:

— Вот оно как.

И больше не стал расспрашивать.

Увидев, что ему удалось отделаться от расспросов, Цзя И с видом полного согласия кивнул. Опасаясь сболтнуть лишнего, он больше не раскрывал рта.

Гай Не бросил взгляд на руку Цзя И и небрежно бросил:

— Место здесь неподходящее для исцеления, следуй за мной.

С этими словами он протянул руку, подхватил Цзя И, легко оттолкнулся ногами от земли, и они стрелой взмыли вперед.

В конце концов они добрались до заброшенной горной лощины. Местность здесь была глухой, за полдня не встретишь ни единого жилого дома. Не останавливаясь, Гай Не углубился в лощину и вывел Цзя И к полуразрушенному двору.

Перед двором стояла хижина, сложенная из хвороста. Миновав ее и войдя внутрь, Цзя И с удивлением обнаружил, что здесь скрывается целый мир. Хотя двор выглядел заброшенным, а штукатурка на окружавших его стенах давно облупилась, в самом дальнем углу обнаружилась чистая каменная хижина. Войдя внутрь, Гай Не уложил Цзя И на кровать и легонько хлопнул его по плечу. В тот же миг в глазах у Цзя И поплыло, и он погрузился в тяжелый, дурманный сон.

Неизвестно, сколько времени прошло, прежде чем он пришел в себя. Как же ему теперь выбраться отсюда? Вспомнив ужасающие боевые искусства Гай Не, Цзя И отметал один за другим любые планы побега. Знай он, что его жизнь окажется столь короткой, лучше бы тогда забрал Сыянь к себе и не изображал из себя благородного мужа. Прожить две жизни и остаться девственником — от этих мыслей герою становилось откровенно горько.

В это время из-за двери появился Гай Не, держа в руке деревянный клинок, и швырнул его прямо в Цзя И.

Цзя И поначалу испугался, решив, что тот собирается напасть, и в панике выставил руки вперед. Поймав предмет, он с удивлением обнаружил, что от этого деревянного меча не исходит никакой угрозы. Более того, его рука совершенно не болела, а пятна крови на рукаве исчезли бесследно — рана зажила неизвестно когда.

Не обращая внимания на его изумленный вид, Гай Не холодно бросил:

— Раз рана затянулась, хватит притворяться больным. Это деревянный клинок я вырезал специально для тебя. Ну-ка, попробуй атаковать меня!

Цзя И соскочил с кровати, сжав клинок в руке, и пару раз легко взмахнул им — оружие лежало в руке как влитое. Покачав головой, он возразил:

— Вы спасли мне жизнь, как я могу поднять на вас руку? К тому же клинок и меч не имеют глаз: пусть оружие и деревянное, но ненароком покалечить друг друга не хотелось бы.

Гай Не слегка кивнул, а затем на его лице появилось презрительное выражение:

— Если бы твои удары были хоть капельку точнее, тебе не пришлось бы улепетывать от двоих людишек из клана Сян, спасая свою шкуру по всей горе!

Цзя И услышал это, и внутри него вспыхнула слепая ярость. Он подумал, что этот тип уж слишком высокого о себе мнения. Раз уж тот ведет себя столь заносчиво, грех не сбить с него спесь. Громко рассмеявшись, он бросил:

— Тогда не буду отказываться от столь любезного предложения!

Резко подавшись вперед, Цзя И сократил дистанцию до пяти шагов, сделал обманное движение корпусом, качнувшись влево, и тут же перенес вес вправо, наотмашь полоснув клинком. Хотя он понятия не имел, чем именно Гай Не отразил длинный меч Лун Цюй, он ни за что не

поверил бы, что тот решится ловить клинок голыми руками.

Кто бы мог подумать, что ноги Гай Не словно вросли в землю — он не сдвинулся ни на дюйм. Лишь чуть изогнув запястье, он выставил вперед согнутый средний палец и, опередив удар, легко щелкнул им по обуху деревянного клинка. В тот же миг рука его превратилась в когтистую лапу, и большой с указательным пальцем мертвой хваткой вцепились в горло Цзя И.

От этого легкого щелчка в клинок хлынула такая мощная волна силы, что Цзя И в ужасе отпрянул назад. Но было уже поздно — противник воспользовался моментом и полностью подчинил его себе. Только теперь Цзя И осознал, что мастерство Гай Не превосходит всё, что ему доводилось видеть за всю жизнь. И все же слова соперника не давали ему покоя. Издав яростный рев, подобный бросившемуся с гор тигру, он снова бросился в атаку. Девять ударов подряд — это была самая суть Техники клинка Темного Нефрита: яростный ветер сметает опавшую листву. Тени клинка множились, взмывая то вверх, то вниз, рассекая воздух горизонтально и вертикально, обрушиваясь на Гай Не сверху, снизу, слева, справа, спереди и сзади.

Гай Не лишь слегка улыбался в уголках рта, по-прежнему неподвижно стоя на месте. Однако его тело двигалось так легко, будто несомая ветром иринка: с какой бы стороны ни сыпались удары, он всякий раз едва заметно отклонялся назад, безошибочно уходя от деревянного клинка, а средний палец его руки неизменно точно и неотвратно щелкал по лезвию. На сей раз Гай Не не вкладывал силу в удары, касаясь клинка лишь слегка, останавливая движение на самом излёте. И хотя он только защищался и не переходил в наступление, эта оборона казалась абсолютно безупречной.

В тишине непрерывно раздавался звенящий гул.

Сделав на одном дыхании больше ста восьмидесяти выпадов и несколько раз повторив комплекс Техники клинка Темного Нефрита, Цзя И наконец отскочил назад, тяжело задыхаясь, и с недоверием уставился на противника.

Гай Не равнодушно произнес:

— Оказывается, твой предел — лишь это жалкое умение. Ты ни капли не постиг истинной сути владения клинком, а полагаешься лишь на пару заученных приемов, и при этом еще смеешь хвастаться ими налево и направо!

Цзя И швырнул деревянный меч на землю и с убитым видом признал поражение:

— Признаю, мне до вас далеко. Эх! А я-то наивно мечтал покорить весь этот мир... Сначала этот Лун Цюй, теперь вы — оказывается, настоящие мастера владения клинком настолько сильны. Прощайте! Пожалуй, вернусь в родной Фэнли и тихо проживу там до конца своих дней.

Под конец Цзя И и впрямь почувствовал себя совершенно опустошенным. Мечты быстро разбогатеть, опираясь на знание истории, были безжалостно растоптаны ледяным душем из суровой реальности, который устроил ему Гай Не. Если уж какой-то малоизвестный бродяга

обладает столь невероятной силой, то чего ожидать от тех, чьи имена навечно вписаны в историю?

Гай Не, заметив глубокое уныние на лице парня, с усмешкой заметил:

— Если твои слова и поступки дойдут до людей, они умрут со смеху! Человек должен обладать несгибаемой волей и не пасовать перед поражениями. Чтобы совершить великие дела, требуется великая решимость и великое мужество. Если ты раскисаешь от малейшей неудачи, то будь у тебя хоть гениальные таланты, все равно закончишь свои дни в постели от старости. Ступай! Сперва искупайся, а я пока приготовлю пожрать — ты проспал последние два дня, небось, кишки от голода сводит.

Когда Цзя И вернулся с берега протекавшей неподалеку речушки, тщательно вымытый и посвежевший, Гай Не уже невесть откуда раздобыл несколько нехитрых овощных блюд. Умяв две миски вареного риса, Цзя И почувствовал, как к нему возвращаются силы.

Гай Не окинул взглядом принарядившегося и чистого Цзя И: черты лица у парня были тонкими, а в изгибе бровей проступало едва уловимое сходство с тем самым человеком. В глазах Гай Не этот юноша словно превратился в кого-то другого — в человека, оставившего в его сердце незаживающую рану. На мгновение во взгляде мастера промелькнуло глухое безразличие, и он спросил:

— Только что ты утверждал, будто направляешься в Сяньян навестить дядю, а теперь говоришь, что хочешь сделать себе имя. Чему из этого верить?

Цзя И опешил и смущенно пробормотал:

— И то, и другое правда. У меня на самом деле нет какого-то четкого плана, просто хочется дойти до Сяньян навестить родных, а подвернись ли там удачное дело — можно и за него взяться по пути.

Гай Не нахмурился, чувствуя, что юноша снова лукавит, и произнес:

— Как по-твоему, это герои вершат времена или времена рожают героев?

Сяо Лин озадаченно переспросил:

— А вы сами-то как считаете?

Гай Не горько усмехнулся, на его лице проступило выражение боли, и он с самоиронией произнес:

— Всё до смешного просто. Это точно такой же вечный спор, как о том, что появилось раньше — курица или яйцо. Сама воля Небес предопределила всё заранее, всё уже расписано свыше. Раз уж Высшие Силы всё устроили за нас, нам остается лишь смиренно следовать их воле!

Цзя И ошеломленно рассмеялся:

— Ну и речи у вас! Получается, нам и вовсе ничего не нужно делать?

Гай Не не принял его насмешки близко к сердцу и спокойно продолжил:

— Нет большего зла в Поднебесной, чем людская жадность. Неудовлетворенность порождает алчность, алчность ведет к распрям: в малом масштабе сильные притесняют слабых, в великом — разгораются бесконечные войны. Корень всех этих бед кроется лишь в том, что люди не умеют довольствоваться малым. Если бы все научились любить друг друга всеобщей любовью, следовать воле Небес и прекратили взаимные нападения, тогда — будь то времена или герои — каждый обрел бы покой и безопасность, а прекращение усобиц стало бы истинным благом для простого народа Поднебесной.

Цзя И не во всем разделял его мысли, но услышав последние фразы, вдруг вспомнил: всеобщая любовь и осуждение агрессивных войн были как раз главными постулатами Школы Мо. Ошеломленный, он выкрикнул:

— Да вы же из Школы Мо!

Гай Не едва заметно вздрогнул:

— Ты наконец-то вспомнил про Врата Гостей Школы Мо.

<http://bllate.org/book/21107/2142400>